

Игорь Шестков

СИНИЕ ПЯТНА

Собирая в мировой паутине материал для рассказа и случайно наткнулся на статью неизвестного мне российского автора «Загадочное убийство отца Александра Меня. Четверть века спустя». Рядом с этим материалом помещались тексты того же автора о Лох-Несском чудовище, обезьяне де Луа и о Кровавом навете.

Ага, подумал, убийство священника за год до путча попало в путинской России в рубрику «Удивительное и невероятное».

Поискал, порылся.

Не так уже много сообщений на тему. В основном – пережевывание «сионистской» и «анти-семитской» версий. Удивился – сколько же в Интернете страниц, на которых всячески поносят Меня. Патриоты отечества, хоругвеносцы, блюстители чистоты православия, фашиствующие.

Прочитал текст Сергея Бычкова «Хроника нераскрытого убийства», написанный сочувственно по отношению к Меню и его миссии и критически по отношению к следствию. И с многочисленными богословскими вставками. И тут же обнаружил ссылки на обвинения самого Бычкова... в стукачестве. Якобы он был послан в приход на Малой

Деревне кураторами из конторы глубокого бурения. И Мень знал, что он сексот. И все бычковское «богословие» – только надерганные из проповедей и текстов Меня цитаты.

Куда ни плюнь в нашем советском прошлом – попадешь или в стукача, или в палача, или в вора, или в активиста-идиота, или в их жертву.

Вспомнил, как неожиданно тяжело стало на душе, когда узнал о расправе над отцом Александром.

Вначале разделались с человеком, затем замутили воду, сознательно увели следствие в тупик, много раз пытались свалить вину на невиновных, а в конце концов дело закрыли. И поставили его на одну полку рядом с обезьяной де Луа.

И еще вспомнил об одном разговоре.

...

Был у меня знакомый. Кандидат каких-то паршивых наук. Звали его Папа. Фамилию его я не помню. Москвич, родом из Хабаровска или Барнаула. Худющий и длинный как Останкинская башня. Немного уродливый, но добрый. С треугольной челюстью и с бородавками на впалых, небритых щеках. Бородавки эти видимо чесались, и Папа украдкой их почесывал. Когда он это делал, я отводил глаза.

Из своего института-университета Папа уволился как и многие другие в конце перестройки. Глупо было сидеть в душной лаборатории или протирать

штаны на засиженной мухами кафедре, когда мир вокруг стремительно менялся. Как и другие искал себе новое место под солнцем. В промежуточный период приторговывал «для пропитания туловища» спиртным сомнительного происхождения и качества в продуктовом киоске на Речном вокзале, принадлежащем соседу по лестничной клетке Чингизу, по происхождению азербайджанцу. Говорил про него так: Чингисхан жизнь знает, за копейку не убьет.

Я ему отвечал: А за рубль убьет?

– За рубль может. Сам руки пачкать не будет. Кореша у него крутые как Скалистые горы. Голову могут отвинтить, если что.

– А ты не боишься?

– А чего мне бояться. Я не ворую. Не пью. В карты не играю. Чингиз – мой друган с армейских времен. Я ему жизнь спас на полигоне в Жуковке, он для меня пойдет на все.

...

Жена Паши, Липа, нигде не работала. Только усиленно занималась своим духовным развитием. Читала взахлеб «Добротолубие». Детей у них не было.

Был Паша действительно не пьющий. И не глупый. И не пассивный. Но странный...

Что-то было в нем не так. Сила и слабость, казалось, несмотря на возраст, не нашли в нем

компромисса и все еще сражались за первенство в его душе.

А Липа, окончившая биофак МГУ и отпахавшая двенадцать лет в закрытой биохимической лаборатории на бывшем Острове Возрождения в Аральском море, – была еще страннее. Может, яду там какого надышалась или мутировавшую сибирскую язву на себе попробовала?

Да, что-то было и в Паше и в Липе особенное, но в то же время типичное, национальное, такое знакомое, родное, русское.

Юродство? Наверное.

Не такое, конечно, как во времена Ивана Грозного, с веригами и погремушками, а современное, с пирсингом на гениталиях (о чем мне, смущаясь, как-то рассказал Паша).

Принадлежали они вроде бы к интеллигенции. Паша – во втором поколении, Липа – в третьем, оба были разочарованы в науке, мироздании и в самих себе. Компенсировали они это разочарование с помощью православия. И интеллигентность их как-то незаметно для них скукожилась.

Липа ездила в Пушкино, в Сретенскую церковь, в ту самую, где тогда еще служил отец Александр.

А Паша пел по выходным и церковным праздникам в хоре Силушской Ново-Петровской церкви, где мы с ним и познакомились. Пел басом. Красиво и правильно. А научили его петь в детском хоре

Дворца Пионеров на Ленинских горах. В шестидесятых годах.

...

Однажды шли мы с ним после службы к автобусной остановке.

Жарко было. И пыльно. Начало августа.

Асфальт за день накалился и заливал все вокруг волнами жара.

Паша, обычно скупой на слова, пожевал, гримасничая, своей жуткой треугольной челюстью травинку, почесал бородавки на щеках и вдруг заговорил. Как бы с надрывом.

– Понимаешь, у меня тут такое дело. В семье. Мелодрама. Липа, жена моя... влюбилась по уши. В этого всезнайку. Отца Александра. Только о нем дома и говорит. Краснеет, бледнеет, трясется, плачет. Последние сбережения на его книги потратили. Сидит весь день и читает. Говорит: После «Добротолюбия» книги отца Александра – как освобождение из плена. Подчеркивает что-то, умиляется, как будто соловьев слушает весной. По лесу бродит, собирает ему ягоды и грибы. Носки ему связала. С крестиками. Приворожил ее этот еврей.

– Ты сам-то его видел?

– Видел, видел. Складно толкует толстогуб. И глазами и мыслями блистает. И кудрями ухоженными картинно потряхивает. Только не нужны мне ни кудри, ни глаза его масляные, ни такие же мысли.

– Потерпи, пройдет. Как влюбилась, так и разлюбит. Вокруг него, сам знаешь, этих гениев чистой красоты из Малаховки и с Юго-Западной – пруд пруди.

– Знаю. Полгода уже мается баба. Несколько раз уже он ее особой аудиенцией осчастливлывал, в отдельной от церкви сараюхе, там у него вроде как кабинет. Что они там делали? Со мной Лиша больше не спит, в другой комнате по ночам мечтает. Ты мне все равно не поверишь. Она ребенка задумала родить. От Меня. Да не простого, а самого Христа.

– Как так Христа? С катушек съехала?

– Вот так. Да, съехала. От любви одурела. Непос-
тижимо! Моя жена хочет переспать с попом, зачать от него и родить Спасителя. И всячески себя к этому готовит. Старается жить чисто, не хулит никого, исповедуется истово, причащается часто, милостыню подает, мяса не ест, молока не пьет, телевизор не смотрит, горячей водой не пользуется, не красится, бьюки не носит, молится Богу, просит его, чтобы у нее родился младенец Христос.

– Ну а ты... что? Волхвов уже проинформировал, чтобы подарки готовили?

– Не до шуток мне. Что я могу сделать? Со мной она нормально, как жена, больше не разговаривает, только умоляет, просит и цитатами сыплет. На колени встает, ноги мне целует. Пашенька-Пашенька, роднюшенька, потерпи, прости, милый, я должна очиститься, чтобы зачать в себе бо-

жественного младенчика от святого человека. А потом мы будем его растить. Буду тебе верна, как Мария – Иосифу. Все наверстаем. А мой сын изменит этот греховный мир. Ибо сказано: И придет Сын Человеческий во славе Отца своего с ангелами своими. И соберутся перед ним все народы. И поставит овец по правую сторону, а козлов – по левую. Овцы наследуют Царство, а козлы – огонь вечный. Я все знаю теперь. Чувствую предназначение. Знаю, как загладить вину перед людьми. За то, что делала там, на Бархане, в гнезде сатаны. Мне было видение.

– Ты про видение ее расспрашивал?

– Долго не хотела открывать. Потом смилостивилась. Оказывается, видение посетило ее под Новгородом, на Чистом озере, что у деревни Ванюши. Ездили мы туда на отдых прошлым летом. Купались. Я рыбачил, Липа по окрестностям моталась. Комнату снимали в избе у колхозницы. На озере этом святом... там такое творится! Бабки и молодухи с детьми туда со всей России приезжают. И голые в воду лезут. Ты это должен раз в жизни увидеть. Изуверы! Фанатики! Бабки сиськами отвислыми трясут... в транс впадают, голосят, молодухи кликушествуют. Дети голые и смурные мужики на все это смотрят. Русское порно. Излечиться хотят. От хворей. И еще бог знает от чего. А к Липе там с неба архангел Гавриил спустился. Прямо как на софринской иконке. С

лилией в руке. Сладкий как торт. И объявил благоую
весть.

– Радуйся, благодатная, благословенна ты между
женами?

– Именно так.

– Не оригинально! Ты ее к психиатру не водил?
У меня есть знакомый врач, ушлый такой грузин,
могу дать телефон.

– Не верю я советской психиатрии. Сам отлежал
три месяца в дурке. Галлюцинации видел. Ежов ко
мне по ночам приходил – меня терзать. Еле окле-
мался. Загубят бабу. А мне ее жалко. Я ее люблю и
хочу с ней дальше жить. Вот я и подумал. Ты
человек рассудительный, авторитетный, Меня
знаешь лично. Может ты с ней поговоришь? Или с
ним? Чтобы он мозги ей прочистил. Раз и навсегда.

– Меня я лично не знаю. Видел его, конечно,
слышал. Даже один раз ему возразил. Но просить
его... Тебе лучше самому к нему обратиться, честно
все рассказать и попросить повлиять на Липу. А я
тут – третий лишний. Точнее – четвертый. Но
поговорить с твоей женой я конечно могу. Только
вряд ли она меня послушает. Если ей сам архангел
Гавриил являлся.

– Знаешь, меня иногда такое зло берет. Жили мы
душа в душу. А теперь... Всю жизнь нам этот длин-
ногривый отравил своим ядом. Так бы и пришиб
красавца. Купил вот недавно топорик для рубки

мяса. Хрястнул бы его им прямо в умный лоб. Чтобы мозги потекли по роже.

– Брось, Папа. Ты же верующий. Нельзя душу живую губить. Жалко. Посадят или расстреляют.

– А что мне терять? Он мне жизнь загубил, вражина. И не заметил даже. Порублю гада.

Папа сжал кулаки, заскрипел зубами, затрясся и зарыдал. Страшно, как пес. Весь почернел от горя, бедняга.

В автобусе мы молчали. У Речного вокзала разошлись. Папа в свой киоск пошел, а я домой поехал.

...

О гибели Меня я узнал от моего друга, Сержа. В воскресенье, вечером, в день убийства. Серж, по иронии судьбы, брал в субботу у отца Александра интервью для испанской газеты. Говорил, что Меня был «как всегда умен и остер, но иногда задумывался и мрачнел».

Это было последнее интервью Меня. Сержа это физически возбуждало, он бойко и жадно перечислял возможные версии. Размышляя о том, кого контора позже назначит убийцей священника.

А другой мой друг, Алеша, заметил: Смею вас заверить, друзья, настоящего убийцу Меня не найдут никогда. Так, как не нашли убийцу Богатырева. Отца Александра убили, чтобы всех нас запугать. Убрать сильного, активного, талантливого еврея из русского мира. Чтобы правящие нами мрази и

сановные попы не бесились, когда он по телевизору выступает. А с Лубянки были убийцы или из Данилова монастыря, в погонах или в рясе – не важно, ведь КГБ и верхний этаж Московского Патриархата это только разные побег от одного и того же корня.

Мы помянули покойного и занялись закуской.

Застолье закончилось около полуночи.

А заснул я только около двух часов. Ворочался, нервничал, переживал. Нет, не из-за Меня. Я тогда настраивал себя на отъезд из страны. Окончательный и бесповоротный. Давалось мне это не легко. В голове у меня постоянно звучали аккорды из последней, неоконченной, симфонии Малера. Адажио. Готовился торжественно пересечь границу миров. Пройти сквозь звездные ворота. И не смотреть назад.

Этот пункт программы мне выполнить не удалось. Поэтому половина моих рассказов состоит из соли гоморрского столба.

...

Через несколько дней после убийства отца Александра позвонил Паше. Хотел убедиться, что он в этом черном деле не участвовал.

Никто не подошел. Звонил ему еще раз двадцать. Пять дней. Безрезультатно. А через неделю поехал на Речной по свои делам. Надо было кое-кого посетить перед отъездом. Отдать старый долг. Решил заглянуть в киоск, где Паша водкой торговал, обнять его на прощание и передать привет Липе.

Искал киоск, искал, но так не нашел! Там, где раньше стоял киоск – ничего не было. Пустое место. Асфальт и синие пятна на нем. С неприятными разводами.

Долго уговаривал чернявого продавца-нацмена из соседнего книжного рассказать, что стало с торговой точкой Чингиза. Тот отнекивался. Предлагал мне купить книгу. А потом, когда понял, что я не отстану, поманил меня и взволнованно прошептал на ухо: Приехали какие-то пиджаки с бульдозером. Чингиза и Папу вывели с мешками на голове и в черную волгу посадили. Больше их никто не видел. Киоск сломали. Обломки увезли. Даже продукцию поленились вынести. Водка из разбитых бутылок во все стороны разлилась. Осколки стекла мы сами убрали. Нам сказали, чтобы мы молчали. Иначе – изрубят на куски.

...

Дома полистал я записную книжку. Нашел телефон одной старой знакомой, верной и фанатичной последовательницы отца Александра, прихожанки Сретенской церкви. Позвонил ей. После извинений и представления себя (она забыла, кто я такой, хотя давным давно, в студенческое время мы...), перешел к делу.

– Слушай, у вас там есть такая женщина, Липа? Пашина жена.

– Есть.

– Можешь мне про нее что-нибудь сказать? Мужа ее вроде задержали, а дома у них никто не подходит к телефону.

– Липа отца Александра боготворила. Смотрела на него как на Христа.

– Это я знаю. Ты ее девятого видела в церкви?

– Страшный день. Когда нам сказали об убийстве, все окаменели. А потом начался крик и хаос. Вроде и Липа рыдала. Но точно не помню. Все плакали. Больше она в церковь нашу не приезжала. Многие разбежались.

...

Так я тогда и не узнал, что же на самом деле случилось с Пашей и Липой и был ли Паша замешан в убийстве Меня.

*****

Правдивый этот рассказ я написал года два назад. Прочитал его несколько раз, попытался представить себе, как его воспримет современный читатель. И отложил текст в сторону. Не стал печатать и публиковать в интернете. Потому что решил, что в нем маловато драматического действия. Пара описаний, да диалог. И конец какой-то беспомощный.

Конечно, я мог бы что-нибудь придумать, какое-нибудь мистическое приключение, превращение... ввести в историю выдуманных персонажей, зло-

вещих киллеров или демонов. Или хотя бы показать где-нибудь на стене ужасающую тень той самой гигантской обезьяны де Луа.

Но мне не хотелось.

И вот... как это иногда случается, жизнь сама дописала мою историю. Стала ли она от этого интереснее? Не знаю. Решать вам.

Две недели назад я был в Амстердаме. Проездом. Оставил тяжелую сумку в камере хранения и пошел прогуляться по городу. Шел без цели, куда глаза глядят. Прошел вдоль одного канала, или, как их тут называют, – грахта. Потом вдоль другого. Свернул в переулочек. Еще в один.

И тут... на тротуаре столкнулся лоб в лоб с высоким худым человеком с треугольной челюстью. Но уже без бородавок на щеках. Да, да, это был Папа. Постаревший, солидный, спокойный. Мы обнялись. Нашли какую-то кафешку, присели, заказали кофе.

Он оказывается живет тут с девяносто второго года. Владеет недвижимостью. Занимается непонятными мне сделками. Женат на голландке.

– А что стало с несчастной Липой?

– Смерть отца Александра отрезвила ее. Но не до конца. Кажется, она подвизается в одном из северных монастырей. Или умерла... мы в разводе и не общаемся.

– За что тебя тогда арестовали?

– Ты и это знаешь? К Меню это отношения не имеет. Пацаны делили рынок. Чингиза подставили. Нас осудили. Придрались к чему-то в отчетности. Чингиза на зоне убили. А меня через полгода выпустили. На киче я познакомился с влиятельными людьми. Они мне помогли перебраться в Европу. Дали деньги, которые я позже отдал.

– Только чтобы точку поставить над и... Меня ты не убивал?

– Нет. Я не убийца. Хотя и хотелось очень. Но кое-что все-таки тогда произошло. Расскажу тебе, потому что совесть свербит. Все эти годы в себе держал. Убили Меня в воскресенье, а вечером, в субботу, мы с Чингизом его подкараулили, там, в Семхозе. По дороге от электрички к его дому. Хотели пугануть. Хвост прищемить еврею. Лампочки на фонарях расколотили, чтобы темнее было. У Чингиза был с собой ножик, а я кухонный топорик прихватил. Дураки. Выпили для храбрости. Короче, ждем мы священника в темном месте. Ждем, ждем, а его все нет. Другие какие-то люди туда-сюда ходят. От нас естественно шарахаются. Какие-то местные парни стали права качать, чуть драка не началась. Надо бы нам после этих подвигов сразу домой вернуться, но мы остались. И дождались... виновника торжества. И, как заранее договорились, с двух сторон к нему подошли. Взяли в клещи. Чингиз достал нож, а я стоял, как мясник какой, с топором для разделки мяса в руке. Отец Александр

нас не испугался. Спросил спокойно: Вам что надо, ребята?

Чингиз нож к горлу священника приставил и сказал: Давай деньги, отец!

А я с трудом выдавил из себя: И от жены моей отстань, жидюга.

Мень посмотрел на меня с сожалением. А мне до тошноты вдруг ясно стало, что никакого дела этому немолодому, занятому человеку нет ни до Липы, ни до меня.

Отец Александр достал кошелек, открыл его. Там было несколько рублей и десятка. Подал бумажки Чингизу, тот не взял, сказал: Нам рубли твои не нужны!

Я схватил Чингиза за рукав, потянул и прошептал: Пойдем отсюда, брат, оставь его.

И мы ушли. Чингиз даже обиделся на меня, говорил в электричке: Ты меня втянул, а сам расквасился.

Когда я на следующий день по радио услышал, что с Менем случилось – испугался до смерти. Вдруг менты решат, что это мы убили. Или просто повесят на нас это преступление. А мы не только не убили, но даже не испугали чертового попа, мы сами испугались. Лампочки, да, побили, а больше ничего не сделали. Да, забыл сказать. Видели мы там, на дороге к станции, каких-то непонятных людей. Явно не оттуда. Может, это убийцы и были. Или топтуны. Лица их мы не разглядели.